

Известия — 1992 — 60 лет
 а. в.

Седьмая заповедь

Марины

К столетию
 со дня рождения Цветаевой

Константин КЕДРОВ, «Известия»

Ее человеческая судьба, конечно, могла быть другой в более благополучной эпохе; но судьба поэтическая была бы та же. Пушкин видел себя пророком, а Марина Цветаева пророчицей Сивиллой, чей голос никто не слышит, а пророчества, увы, сбываются.

Недрами — в ночь.

Сквозь слепость
 Век, слепотой бойниц.
 Глухонемая крепость.
 Таким предстоял перед нею жестокий век. Однако все времена жестоки, глухи. К своим поэтам. По сути дела, поэт — это только голос, а что такое голос для века глухонемых?

Каменной глыбой серого
 С веком порвав родство.
 Тело твоё — пещера
 Голоса твоего.

Образ пещеры здесь не случаен. Это от Платона. От Древней Греции. Платон сравнивал пребывание человека на земле с жизнью узников глубокой пещеры, обитатели которой ничего не знают о солнце, и только тени на стенах заставляют их догадываться о небесном свете.

Она ощущала себя в пещере нашего мира голосом, ее заполняющим, и еще ласточкой.

Любить... Распластаннейшей
 В мире — ласточкой!
 Писать стихи и любить — больше ничего не должно требовать от поэта.

Она ощущала себя заклинательницей стихий: воздуха, огня, воды. И стихии ей покорялись, но люди оставались глухи к ее поэзии. Зато рядом был мудрый и посвященный Максимилиан Волошин. К нему можно было приехать в Коктебель и приобщиться к тайне древних заклятий. Но что для поэта магия и даже религия? Бледный отблеск поэзии. Сейчас, когда вокруг нее развели неслыханную слащавость, напомним, что Цветаева не монахиня, а поэт.

Заповедей не блюла,
 Не ходила к причастью,
 Видно, пока надо мной
 Не пропоют литию,
 Буду грешить — как грешу,
 Как грешила: со страстью!
 Господом данными мне
 Чувствами — всеми пятью!

Не любила Марина Цветаева ханжества и никогда не впрягалась ни в какую идеологию. Она написала «Лебединый стан», видя в белой гвардии подвиг обреченной Вандеи; и она же любила Маяковского за поэтическую силу, не обращая внимания на трескотню лозунгов в его советских стихах.

Странно, но именно через переписку из эмиграции сдружилась она с Борисом Пастернаком. После Валерия Брюсова и Максимилиана Волошина это был третий поэт, узнавший в ней гения. Их переписка уже тогда становилась опасной, но Цветаева все же не понимала, в бездну какого ада погрузилась покинутая ею Россия. Этого никто не мог вообразить. Это можно было только увидеть, а, увидев, онеметь и ослепнуть. Впрочем, в Европе было не лучше — начинался фашизм.

В ее трагическом цикле «Федра» есть одна строка, втянувшая в себя всю трагедию:

«Ипполит! Ипполит! Болит!»

В ее стихах возродились фольклорные плачи. Давно стало классикой, сказанное вза-
 хлеб:

Что же мне делать, слепцу и
 пасынку,
 В мире, где каждый и отч и
 зряч,
 Где по анафемам, как по
 насыпям —

Страсти! где насморком
 Назван — плач!..

Что же мне делать, певцу
 и первенцу,
 В мире, где наимчернейший —
 сер!

Где вдохновенье хранят, как
 в термосе!

С этой безмерностью
 В мире мер?!!

«Голод голодных и сытость
 сытых» — два лютых врага Марины Цветаевой. Она легче переносила лишения, чем всеобщую ожирелость духа. Российский и германский голод потряс ее не меньше, чем европейская сытость.

Квиты: вами я объедена,
 Мною — живописанна.
 Вас положат на обеденный,
 А меня — на письменный...
 Каплуном-то вместо голубя
 — Порх! — душа

при вскрытии.
 А меня положат — голую;
 Два крыла прикрытием.

И все-таки было бы большим лукавством видеть жизнь поэта только в трагических тонах. Да, она много думала о смерти, но видела в ней себя всегда победительницей; и нас призывала «презреть раскол: совсем ушел. Со всем — ушел».

Со всем — значит со всем богатством своей поэзии, которую уже никто никогда не экспроприрует, не отнимет. Знала Цветаева заклятие, как приворожить поэзию и любовь:

Скороговоркой — ручья водой
 Бьющей — Любимый!
 любовью!

большой! родной!

От зева до чрева —

продольным разрезом:

— Любимый, желанный!

Желанный! Болезненный!

Почему Цветаева уехала? Почему вернулась? Уехала вслед за мужем и вернулась вслед за ним же. Ничего иного быть не могло. Арест мужа, арест дочери, невозможность устроиться на работу даже уборщицей — вот оно, коммунистическое гостеприимство. А потом, когда повесилась в эвакуации в Елабуге, еще долго, до самого 1958 года, поэзия ее была под запретом.

Ее поэтическая эпитафия написана рано, задолго до смерти, еще в 1918-м.

В черном небе —

слова начертаны

И ослепли глаза прекрасные...

И не страшно мне ложе

смертное,

И не сладко мне ложе

страстное.

А потом еще раз в 20-м году встретилась улыбкою с Богом.

Нежной рукой отведя

нецелованный крест,

В щедрое небо рванусь

за последним приветом.

Прорезь зари — и отверстою

улыбки прорез...

— Я и в предсмертной

икоте останусь поэтом!

Есть чисто московская тайна Марины Цветаевой, ее особое отношение к миру, не монашеское, но сверхцеломудренное, жреческое, поэтическое.

Тверже камня краеугольного,

Клятвой смертника на одре;

Да не будет вам счастья

дольного

Муравьи на моей горел!

В час неведомый,

в срок негаданный

Опознаете всей семьей

Непомерную и громадную

Гору заповеди седьмой!

Какова высота той горы и каков смысл этой заповеди? Каждый определяет сам. Марина Цветаева мерила самой высокой меркой, и потому гора ее высока. Ее седьмая заповедь означала одно — быть поэтом.